

Алжирская «женская литература», новая волна которой, как это ни парадоксально, высоко поднялась в тяжелые для страны последние десятилетия XX - первые годы XXI в., как явление, неоднократно освещалась на страницах нашего журнала. Последняя статья, посвященная этой тематике - «Удел мусульманки: о Господнем замысле и людском умысле (по следам женских откровений алжирских писательниц)», - лучшего в нашей стране знатока и ценителя алжирской литературы доктора филологических наук Светланы Викторовны Прожогойной была опубликована в журнале совсем недавно («Азия и Африка сегодня», 2009, № 1).

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей один из рассказов яркой представительницы последней волны «женской литературы» Алжира Маиссы Бей «Может, поговорим о чем-нибудь другом...» из ее сборника «Алжирские новости»*. Сборник М.Бей предварила Предисловием, отрывок из которого мы публикуем в качестве вступления к этому рассказу:

«Вот новости из Алжира. Рассказы эти написаны в то время, когда в стране царит дыхание смерти и пытается задушить свет, затмить рассвет нового дня. Всё написанное по горячим следам исполнено острой необходимости сказать правду, облечь ее в слова, и хотелось бы думать, что они - не просто жалоба на несчастье, постигшее нас, преследующее нас повседневно, но выражение желания понять, что же происходит, хотя и без особой уверенности в том, что я что-то поняла...»

МОЖЕТ, ПОГОВОРИМ О ЧЕМ-НИБУДЬ ДРУГОМ...

РАССКАЗ

МАИССА БЕЙ

(Алжир)

Она молчит, не разговаривает. Не слушает, что они говорят ей. Ей кажется, что ее словно изолировали, окружили густым туманом, через завесу которого слова больше не проникают. Если бы еще она могла встать из-за стола, сказать, что чувствует себя неважно, уйти домой, закрыться и больше никуда не выходить. Именно так. Закрыться. Повесить на двери табличку «просьба не беспокоить», или «временно закрыто, по причине того, что терпение мое лопнуло». Но она знает, что у нее не хватит смелости ни сделать это, ни сказать вслух о том, что она сейчас чувствует и переживает.

Их девять человек. Девять мужчин и женщин, сидящих вместе с ней за одним столом в большом обеденном зале, щедро освещенном солнцем, лучи которого проникают в открытые окна. После обеда, как обычно, все перейдут в гостиную. Дамы усядутся поодаль от мужчин, чтобы поболтать о своем посвободнее. Пока же все сидят вместе, удобно устроившись за приятной трапезой, - одной из тех, которые устраивают поочередно все эти десять человек друг

для друга. Так уж было у них заведено. Все они - из одного круга, из одной среды, давно друг друга знают, разделяют одни и те же идеи, страхи, сомнения, и общую для всех неуверенность в завтрашнем дне. Но вот уже битый час, как они сидят за столом и все твердят об одном и том же, не меняя тему своего разговора. У Ханийи сложилось впечатление, что это будет продолжаться до бесконечности. Но зачем ей терпеть все это? Она больше не может слышать об этом. Но они теперь постоянно только об этом и говорят. Приходят, вначале вежливо приветствуют друг друга, спрашивают о детях («Ах, эти вечные проблемы с учебой!..»), говорят о погоде (то «очень холодно», то «очень жарко»), потом о каких-то незначительных своих проблемах, или о том, что «жизнь стала дорожать», - визиты к врачу тоже, «куда мы идем», «куда глядит правительство», а потом, как всегда, усаживаются за обильный (несмотря на дороговизну жизни) стол, набрасываются на закуски, на основное блюдо, а десерт начинают сопро-

вождать последними сообщениями из газет или из уст «хорошо информированных» людей, имена которых обычно не называют. И начинают считать убитых, рассказывать о расправах над мирными жителями городов и сел, о вооруженных налетах, не забывая обо всех чудовищных деталях и фактах, словно нельзя обойтись без всей этой смертельной «услады» - после обильной еды...

Рассказывают без конца обо всех этих творящихся вокруг ужасах, наперебой, словно выступают перед кем-то, подводят уму не постижимый итог кошмаров, хотя при всем при этом не забывают отметить кулинарное мастерство хозяйки, сказать ей всяческие комплименты... Словно все то, о чем они рассказывают, - какие-то анекдоты, простые побасенки, а не чудовищные факты реальной действительности, исполненной невыносимой и невообразимой жестокости. И странное дело, чем больше они говорили, тем быстрее все то, о чем они повествовали, все эти в деталях пересказываемые ими картины пыток и расправ, все эти распоротые тела и отрезанные головы превращались в какие-то ирреальные образы далекого от них

* Bey M. Nouvelles d'Algérie. P., 1998.

мира, которые они как бы созерцали между прочим, подавая друг другу соль или горчицу. Словно они, рассказывая все это, листали какую-то странную, ужасную книгу чудовищных рекордов, специально написанную по случаю их встречи... И их возгласы, раздававшиеся время от времени, скорее свидетельствовали об их любопытстве, нежели о возмущении или сочувствии. Именно о том любопытстве, которое подталкивает некоторых читателей выискивать в газетах и журналах только факты хроники текущих событий, отмечая в них самые что ни на есть кровавые. Такие хотят знать абсолютно все, чтобы потом, в свою очередь, пересказывать это во всех подробностях своим слушателям, тоже жадным до такого рода новостей. Конечно, большинство питается еще и слухами, добавляя к своим рассказам всегда: «Кажется, что...», «Говорят, что...» Слухи неизбежны там, где прессе официально навязано «молчание», и она многое утаивает. Поэтому слухи растут, обрастая часто такими «сенсациями», от которых дух захватывает. А может быть, «умолчание» о чем-то и преследует такого рода цель... А может быть, власти просто не хотят, чтобы у людей помутился рассудок от эскалации свидетельств о зверствах, творящихся в стране, которые заставляют дрожать от страха женщин и детей. Всех спасают необходимость совершать будничные дела, обычные человеческие заботы. Жизнь ведь продолжается, несмотря ни на что*. Вот и они сейчас говорят об этом. О том, что надо сдерживать естественные, но опасные эмоции, с которыми порой бывает, конечно, трудно совладать... И женщины будут продолжать свою болтовню, а мужчины пытаться, не вникая в суть происходящего,

что-то объяснить, понять, кого-то оправдать...

Ханийя ест, подносит ко рту маленькие кусочки мяса, тщательно отрезая их ножом. Главное, сохранять вид, что сейчас тебя интересует только еда. Иногда поднимать глаза от тарелки, стараясь не смотреть на окружающих пустым взглядом. Она чувствует, что муж смотрит на нее, опускает голову еще ниже. Тарелка ее уже почти пуста. Теперь главное, чтоб никто не заметил этого. Конечно, странно, что все это происходит сегодня с ней, но она уже почти привыкла к тому, что вот уже четыре, нет, пять лет она видит перед собой одни и те же лица, слышит одни и те же рассказы с небольшими изменениями, как бы разные их вариации, но никогда она еще не испытывала такого ужаса, такого желания завывать, что ли, чтобы заставить их замолчать; никогда не испытывала такого отчаяния. Хотя и у себя на подобных званных обедах, и у других она все это выслушивала раньше, и ей приходилось даже и самой рассказывать то, о чем она прочитала в газетах или услышала от других. Как и остальные присутствующие здесь, она все пыталась говорить с некоторым самоотстранением, тщательно контролируемым, конечно, чтобы не показаться слишком взволнованной или слишком шокированной тем, о чем она рассказывала, иначе бы остальные ее не поняли... Как и все другие, она думала, что слова, часто произносимые, служат лишь неким заклинанием «порядка», которого так всем не хватало в воцарившемся повсюду хаосе. И как и все, она полагала, что пытается сохранить ясность ума, чтобы все понять, объективно посмотреть, оценить происходящее и, сохраняя некую дистанцию, не вмешиваться ни во что, хотя и зная, что все это - уже рядом. Вот почему, несмотря на безумие, охватившее страну, на свирепствовавшую повсюду смерть, несмотря на страх, который испытывает каждый из них, ежедневно, выходя из дому, на страх, который порой приводит к искушению откатиться ото всего, к желанию спрятаться, укрыться, не показываться

нигде, по возможности, они все-таки продолжали работать, отводить детей в школу утром, приводить днем, как еще сегодня, как будто бы ничего не изменилось в их жизни. Разве что пришлось поменять некоторые привычки, позаботиться о кое-каких предосторожностях, приобрести некоторые условные рефлексy, пусть иллюзорные, понятно, но придающие им хоть какую-то силу, чтобы встречать каждый новый день, каждый новый час их существования...

Сейчас Ханийя пытается понять, что же с ней случилось. Ведь она все эти годы полагала, что живет в броне. Конечно, поначалу, она, как и все, бурно на все реагировала, плакала при каждом новом известии и чьей-то гибели, и каждое совершенное в стране убийство приводило ее в отчаяние, в состояние полной беспомощности. Ей не присылали прямых угроз (как некоторым), но и она чувствовала опасность, живя, как и все, в постоянном смятении. Она боялась за себя, за мужа, за своих детей, за родственников. Да, она боялась, но уже привыкла к этому страху, держала его «на поводке», научилась управлять им до такой степени, что порой забывала о нем, даже тогда, когда автоматные очереди слышались совсем рядом, а от взрыва бомбы содрогалось все вокруг. Она умела сохранять спокойствие в таких ситуациях, и это ее спасало. Но она вздрагивала от каждого телефонного звонка, раздававшегося либо рано утром, либо поздно вечером. Она не торопилась, волнуясь, открыть газету, боясь прочитать там очередное сообщение о чьей-то смерти, узнать, не дай бог, что погиб кто-то из ее друзей или знакомых. Список некрологов увеличивался день ото дня, и конца ему не было видно, а вместе с ним иссякал и ее гнев, ее бунт против происходящего. Тот порыв, который она когда-то испытала, выйдя вместе с другими женщинами на демонстрацию в один из солнечных дней марта, хотя все домашние ей не советовали этого делать, а муж говорил, что она «просто потеряла голову», - что она

* С 1989 г. в Алжире в течение нескольких лет шла практически гражданская война, спровоцированная вооруженными вылазками исламских «интегристов», политической партии «Фронт исламского спасения» - «FIS». Подробно об этом см., например, в книге *Б.В. Долгова* «Исламистский вызов и алжирское общество». М., 2004. (Прим. пер.)

«не отдает себе отчета в том, на что идет», что «это опасно», что «ее могут узнать». Она тогда вернулась охрипшая от лозунгов, которые выкрикивала вместе со всеми, но это было для нее, как говорила она, неким катарсисом, очищением души от страха... Но постепенно бунт ее угас, оставив ей не безразличие, но какую-то привычку к страху, как будто избыточность страданий и отчаяния самоаннигилировались, нейтрализовали реакцию ее души. Она себя спрашивала порой, не утратила ли что-то существенное, главное, свою способность чувствовать справедливость, отстаивать ее, не стала ли она теперь менее гуманной?.. Да, она теперь частенько задавала себе этот вопрос. И вот сейчас ощущает какое-то отчаяние, какую-то горечь, комком застрявшую в горле, вот-вот готовую гневом излиться наружу. Против себя самой, своей пассивности, своего долгого молчания, против того, что приходилось все эти годы прикидываться, делать вид, что она по-прежнему ко всем внимательна, всем готова помочь, ничем не выделяется среди других (что было бы «не прощительно для женщины»), не проявлять излишней активности, но просто уползти в свою раковину, уже готовую сомкнуться над ней... Она это почувствовала уже, хотя и считала себя еще достаточно сильной, чтобы в случае чего выползти наружу, раздвинув окаменевшие створки... Но вот вдруг, неожиданно для нее самой, гнев снова овладел ей, и она не может запретить себе встать против других.

«Может, поговорим о чем-нибудь другом?» - внезапно крикнула она. Отдала себе отчет в том, что произошло, когда уже слова слетели с ее губ. Она не узнавала свой голос, поразились его резкости, как бы срезонировавшей во взглядах, на нее устремившихся. Все застыли от удивления. Онемели разом, охваченные смятением.

Десять человек просто окаменели. Другого слова и не подберешь. Окаменели от внезапности и неожиданности удара, обрушившегося на них. Она чуть было не за-

смеялась, увидев выражение их лиц, да и, наверное, рассмеялась бы и сейчас, если бы не обстоятельства. Она увидела взгляд, брошенный на нее мужем, - ему ничего сейчас не оставалось, как собраться с силами, извиниться за ее поведение перед остальными, объяснить им ее неожиданную реакцию, как-то все сгладить и уладить. «У нас у всех нервы пошаливают», «кто же выдержит все то, что происходит в стране», - наверное, собирался он сказать. Хотя эти слова все равно бы ничего не прояснили, да и не определили «все то, что происходит». Конечно, он объяснится с ней дома, а может быть, еще раньше, в машине. Все это она махом прочитала в его глазах, в его манере хмурить брови. О да, она слишком хорошо его знает, чтобы прочитать эти слова, которые он так и не произнесет. Случалось, что ей приходилось раньше закончить приготовленную им фразу... Но сейчас он только махнул рукой в ее сторону, она поднялась из-за стола, села в кресло в гостиной, решительно повернувшись спиной к присутствующим. Лейла тотчас прибежала к ней, наклонилась и спросила, взяв ее за руку: «Ханийя, что с тобой? Плохо себя чувствуешь?» В глазах подруги светилось беспокойство. Ханийя ее очень любит. Ей захотелось даже успокоить Лейлу, извиниться. Как было бы хорошо и легко, если бы удалось сказать, что «все в порядке, не беспокойся, через минуту все пройдет, а сейчас я хочу побыть одна немного»... Готовые фразы уже теснились в ее голове, даже тон, которым они должны быть произнесены, был приготовлен. Она должна была бы убедить подругу, притвориться, что «все нормально», но все это было выше ее сил, и слова застряли в горле, хотя она и знала, что Лейла добра к ней и что ее беспокойство не фальшивое, хотя она ее и раздражала сейчас своей заботой.

Нет. Ничего она не может ни сказать, ни сделать, тем более, и от этой беспомощности ее охватывает дрожь с ног до головы. И яростное отчаяние, которое надо

сдерживать, во что бы то ни стало, не показывать людям. Потому что она сама не знает, зачем она набросилась на своих друзей, заставив их замолчать. Ей надо было не отвечать на приглашение. Она еще вчера поняла, читая газету, какой комментарий ей придется услышать сегодня днем. Она знала содержание той статьи, которое почти дословно перескажет один из присутствующих гостей. «Еще одно убийство простых граждан в Блиде», «Дикая резня в маленькой деревушке: тридцать два человека с перерезанным ножом горлом, из них четыре - женщины и трое детей», - таковы были только заголовки статей (с продолжением на следующих страницах). Она прочитала их целиком, даже не вздрогнув от ужаса, прежде чем пойти за детьми в школу. Она не забыла мельчайшие детали, описания криков жертв о помощи, цветовой гаммы жуткой картины, этой «красноватой жидкости», которая сочилась и текла струйками из-под дверей моргов, этих «белых простыней», которыми накрывали тела убитых, этого «голубого неба» над ними, этих «серых, грязных грузовиков», в которых увозили покойников, этих «мусорных баков», куда сбрасывали тела, - журналисты умеют делать свою работу. Они умеют информировать, когда могут. Все было так тщательно описано, что, казалось, не хватало только ужасного запаха всего происходящего. Но, наверное, люди со временем научатся воссоздавать и запахи. Это необходимо: ведь страна давно уже гниет, разлагается... Но то, о чем она прочитала, она не хотела выслушивать, как будто человеческий голос воссоздавал саму живую реальность, окуная в нее напечатанные в газете слова и вынимая их из нее на поверхность во всем их невыносимом обличье. Не могла же она упрекнуть своих друзей в том, что они тоже читают газеты, вникая в подробности и запоминая самые мрачные сюжеты и образы, но она вспоминала о том, что слушала их пересказ событий и думала о разительном контрасте этих событий с

той атмосферой, в которой проходил их обед, о той безупречной чистоте комнаты, в которой они находились, похожей на особый кокон жизни, где они укрывались, и первобытной дикости тех сцен, о которых вспоминали ее друзья...

Ханийя чувствует, как Лейла гладит ее по голове, - маленькая ласка, от которой становится человеку легче. Если бы можно было заснуть, прямо вот здесь, в кресле, и проснуться только тогда, когда весь этот кошмар исчезнет... Ведь на самом деле - самые ужасные сны бывают наяву... И сколько времени потребуется им всем, чтобы покончить с этим жутким сном жизни, да и если он кончится, этот сон, сколько лет пройдет еще, пока они его забудут?!

Ханийя и Лейла молчат, и это молчание сближает их больше, чем когда-либо. Ханийя знает, что ей не надо извиняться за свое поведение. И не надо искать слов, чтобы объяснить, что с ней произошло. Да и все, что бы ни сказала она, несоизмеримо с теми страданиями и муками, которые обрушились на мужчин и женщин и, может быть, продолжают еще и в этот момент. Ведь у палачей не осталось ничего человеческого. Ханийя знает, что и Лейлу терзают те же мысли, что и ее самою, и то же бессилие, и то же отчаяние, и что таких, как они обе, - тысячи и тысячи женщин в стране, которые пытаются в заботах повседневности позабыть об опасности, подстерегающей их повсеместно и постоянно. А что можно сделать? Может быть, это - один из способов противостоять террору, страху смерти, который сеют вокруг них без разбору, без всякой логики. Ханийя вспоминает слова одного из своих университетских товарищей, ныне преподавателя французского языка, когда-то известного поэта, которого она встретила за несколько дней до его гибели: он вышел тогда купить газету, то есть делал то, что привык делать ежедневно. Он говорил, что «надо продолжать жить, делать так, как будто завтра непременно настанет». И он при этом знал, что ему уже угрожают...

Она сегодня хорошо понимает, что, конечно, всё, что происходит, - это очень серьезно, и все эти слова имеют важный смысл. Но стараться только защитить свое пространство жизни, во что бы то ни стало сохранить «норму» своей жизни, не значит спастись. Ведь это пространство день ото дня сужается, душит уже, и границы Смерти подступают все ближе и ближе. Инерция будничной жизни помогает сегодня как-то выживать, не больше, потихоньку двигаться по своей дороге, в надежде не встретить начиненную взрывчаткой машину или один из этих адских снарядов, предназначенных истребить народ ценой страха... Ну, можно, конечно, избрать и другой путь. Но она не умеет молиться...

Ханийя осталась одна. Лейла пошла к гостям. За столом разговор возобновился. Она услышала отрывки фраз, не вникая в их смысл. Показалось, что голоса стали немного глуше. Как будто говорили у постели больного, которого не хотели беспокоить. Ханийя поняла теперь, что ее крик был всего лишь выражением, пусть и весьма громким, чувства вины, что поднимается в ней - и довольно часто - именно тогда, когда она хочет и пытается «жить нормально», когда ее смех или редкие мгновения счастья, которые ей удастся иногда «урвать», кажутся ей изменой, каким-то оскорблением памяти всех погибших, даже незнакомых ей людей, но почти каждую ночь появляющихся в ее снах, как навязчивое... И еще этот вопрос, который мучает ее постоянно: «Что делать? Как бороться с врагом, сопротивляться тому, кого и в лицо не знаешь?» И вообще, как противостоять террору? Только пытаться не дать ему полностью завладеть твоей жизнью. Знать, что он есть, но делать так, чтобы страх не раздавил тебя. Пожалуй, она многое поняла теперь. И вдруг, словно кадры хроники, пронеслись в ее голове образы девушек, вышедших на улицу наперекор страху, с непокрытыми головами, в коротких юбках, из-под которых виднелись их голые ноги. Что это бы-

ло? Отвага или безумие? Все эти пары, шедшие рука об руку, защищенные только своей любовью, словно покрытые прозрачной оболочкой, непроницаемой для уродства окружающего мира. Все эти группы молодежи, неожиданно пускающейся в пляс или запевающей веселые песни на удивление прохожих; все эти дети, выбежавшие из школ, заполнившие улицы своим радостным криком, беззаботностью; да и другие образы того праздничного дня, не менее значимые, а может быть, и еще более волнующие: длинные очереди из мужчин и женщин всех возрастов, пришедшие в больницу сдать свою кровь сразу же после взрыва, потрясшего городской квартал; и эти юные девушки и женщины, бросавшие с балконов самые лучшие покрывала из их приданого, для того, чтобы люди укрыли ими раненых и убитых, трупы которых лежали внизу... Все эти образы - такие простые и чудесные одновременно, образы, силу которых она не могла соизмерить ранее, теперь неожиданно предстали перед ней во всем великолепии неожиданно прорвавшейся наружу сквозь плену страха Жизни. Неожиданно, как чистый источник, прозрачный ключ, пробившийся сквозь камни и грязь.

Ханийя поднимается с кресла. Идет к друзьям. Она больше не станет просить их замолчать, поговорить о чем-нибудь другом. Она просто сядет рядом с ними за стол, будет слушать их рассказы, как называют они словами то, что невозможно выразить, всю ту невыносимую реальность, которая стала бы, увы, еще более страшной, если бы люди пытались не замечать ее своим молчанием. Она улыбнулась, встретив удивленный взгляд своего мужа. Вспомнила о своем убитом друге-поэте, который отыскивал слова под горячим пеплом дней...

Словам надо дать слово, - говорил он, - и делать так, как будто завтрашний день обязательно настанет.

*Перевод с французского
С.В. ПРОЖОГИНОЙ*